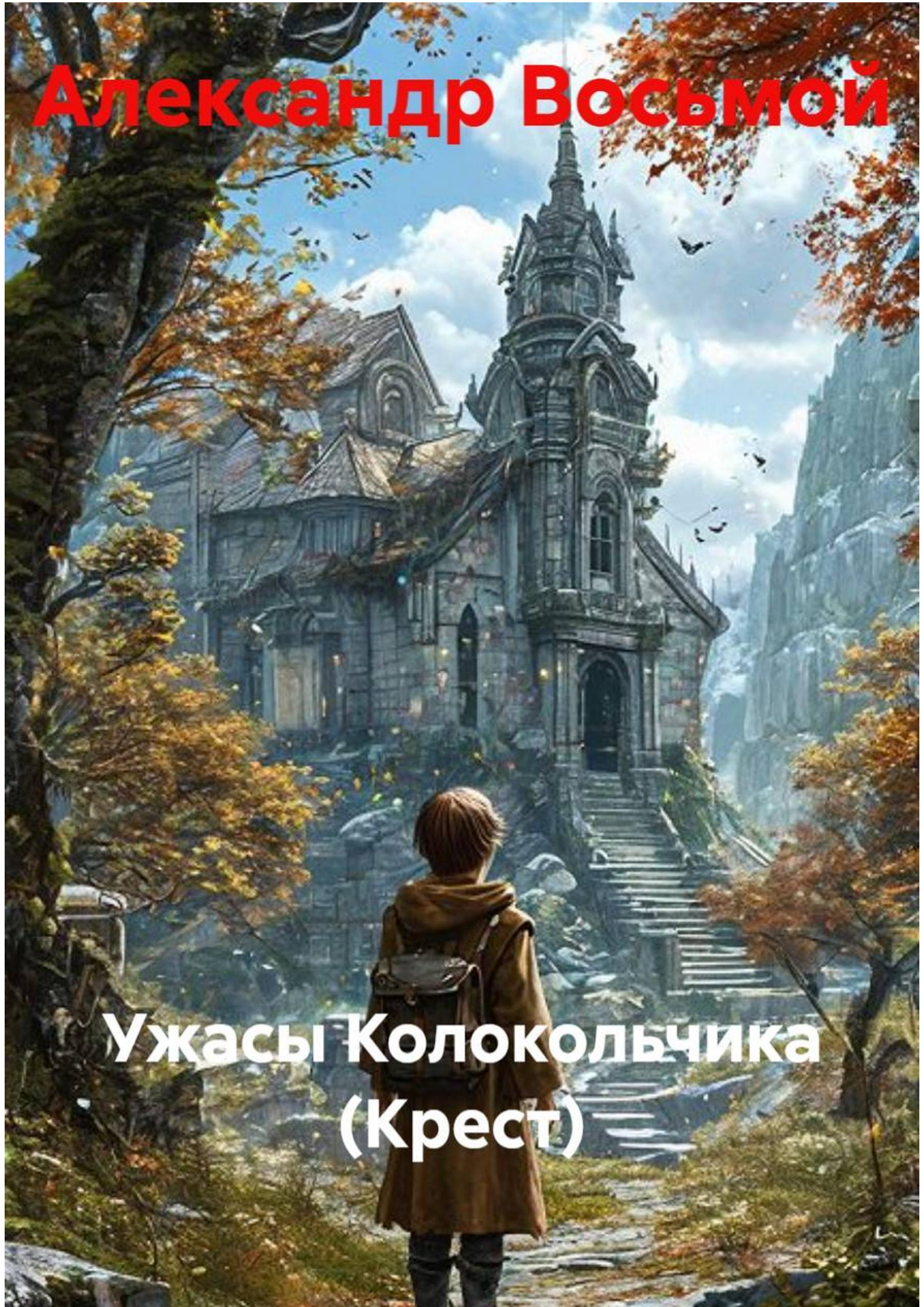

Александр Восьмой

**Ужасы Колокольчика
(Крест)**

Александр Восьмой
Ужасы Колокольчика (Крест)

«Автор»

2026

Восьмой А.

Ужасы Колокольчика (Крест) / А. Восьмой — «Автор», 2026

В городе, где исчезает сам шёпот, мальчик находит колокольчик, зовущий тишину: чем громче он звенит, тем безмолвнее становится мир. Тишина крадёт не только звуки — она стирает эмоции и воспоминания, превращая людей в тени без прошлого. Герою предстоит раскрыть мрачную тайну древнего храма, чьи стены созданы, чтобы поглощать звук, а жрецы когда то жертвовали голосами ради призрачного покоя. На пути его ждут заброшенная библиотека с «тихими страницами», лес, где тишина становится осязаемой и рождает кошмары, и культ, почитающий пустоту как святыню. В эпичной битве не с монстром, а с самой тишиной герою придётся сделать невозможный выбор: рискнуть всем, чтобы вернуть городу голос, или позволить безмолвию поглотить мир. Сможет ли он услышать то, что остаётся после тишины — и заплатить требуемую цену?

© Восьмой А., 2026

© Автор, 2026

Александр Восьмой

Ужасы Колокольчика (Крест)

Глава 1. «Звон, что стирает эхо»

Солнце садилось за руины, окрашивая обломки колонн в цвет остывшей меди. Тени вытягивались, будто хотели дотянуться до мальчика раньше, чем он успеет сделать следующий шаг. Кайто не искал ничего особенного — он просто хотел сбежать от шума города, от криков, от бесконечного гудения машин, что давили на виски, как железные обручи. Он слышал, что в старых руинах храма ветра поют странные песни, и ему хотелось хоть на минуту оказаться там, где мир говорит тише.

Тропа вилась между поваленных камней, поросших сизым мхом, который казался почти чёрным в сумерках. Кайто перешагнул через обломок резной плиты с полустёртым узором — и вдруг замер. В нише между двумя расколотыми колоннами что-то поблёскивало. Не золото, не медь — скорее тусклое серебро, покрытое тонкой плёнкой времени. Это был колокольчик. Маленький, не больше его ладони, с изящно изогнутой дужкой и крошечным язычком, застывшим в неподвижности. На боках виднелись тонкие гравировки — спирали, переходящие в линии, похожие на застывшие волны.

Кайто протянул руку, и пальцы едва коснулись холодного металла. В тот же миг воздух вокруг будто сжался, стал плотнее, как вода перед грозой. Он дёрнул язычок — лёгкий звон прокатился по руинам, чистый и звонкий, словно капля хрусталя разбилась о камень. Но следом случилось нечто странное: звук не отразился эхом от стен, как должен был. Он не угас постепенно. Он... исчез. Растворился в воздухе, будто его никогда и не было.

И тут Кайто услышал тишину.

Не ту привычную тишину, что бывает после дождя или перед рассветом. Это была тишина, которая наступала. Она двигалась. Где-то далеко, за пределами руин, оборвался на полуслове крик птицы. Не стих, не затих — именно оборвался, как будто кто-то резко дёрнул невидимую нить. Кайто обернулся, вглядываясь в сгущающиеся сумерки, но лес молчал. Ни шороха листвы, ни скрипа веток, ни даже шёпота ветра в расщелинах камней.

Он снова звякнул колокольчиком — на этот раз осторожнее. Звон прозвучал, но сразу же был поглощён чем-то, что висело в воздухе, как густая пелена. И тогда Кайто понял: тишина не просто приходила — она приходила за звуком. Чем громче звенел колокольчик, тем быстрее и полнее тишина заполняла пространство вокруг.

Спускаясь с холма к городу, Кайто чувствовал, как меняется мир. Сначала это были мелочи: шаги по гравию звучали глухо, будто подошвы были обернуты ватой. Потом он заметил, что не слышит далёкого гула железной дороги, который обычно вибрировал в груди, стоило подойти к окраине. А когда он окликнул пробежавшего мимо мальчишку, его собственный голос долетел до ушей каким-то чужим, плоским, лишённым объёма. Мальчик обернулся, нахмурился, будто пытался разобрать слова, но не смог — голос Кайто растворился в воздухе, не долетев до него.

На главной площади города люди стояли небольшими группами, переговариваясь, но их речь казалась странной: фразы обрывались на середине, слова теряли силу, будто их высасывало из воздуха. Женщина пыталась что-то сказать продавцу, но её голос звучал так, словно она шептала в огромную подушку. Продавец кивал, хмурился, тянулся к её губам, пытаясь прочесть по ним, что она говорит. В кафе на углу официант застыл с подносом, глядя на посетителей, которые открывали рты, но не могли быть услышаны.

Кайто сжал колокольчик в кулаке. Холод металла пробирался под кожу, и на мгновение ему показалось, что тишина не просто окружает его — она смотрит на него, ждёт, что он сделает дальше. Он снова поднял колокольчик, собираясь бросить его в кусты, но в последний

момент остановился. Что-то в этих гравировках, в этих спиралях, в самом ощущении тишины подсказывало: это не просто предмет. Это ключ. Или ловушка.

В этот момент из тени переулка вышли трое в длинных плащах с капюшонами, скрывающими лица. Они не спешили, не кричали, не делали резких движений. Но в их неторопливости было что-то пугающее — будто они знали, что спешить некуда, потому что мир теперь принадлежит тишине. Один из них медленно протянул руку к Кайто, и мальчик отступил, чувствуя, как воздух становится тяжелее с каждым вдохом.

«Он зовёт тишину, — прошептал один из незнакомцев, и его голос прозвучал странно, будто издалека, сквозь толщу воды. — И тишина приходит».

Кайто развернулся и побежал. Колокольчик раскачивался в его руке, тихо позвякивая, и каждый его звон, казалось, гасил ещё один звук в мире. За спиной он слышал не шаги преследователей, а ту самую пугающую пустоту, которая наступала следом за ним, поглощая всё на своём пути.

К тому времени, как он добежал до своего дома и захлопнул дверь, город уже начал терять голос. И Кайто понял: он не просто нашёл странный колокольчик. Он выпустил в мир тишину, которая хотела остаться навсегда. И теперь ему предстояло узнать, как её остановить — или хотя бы научиться слышать то, что остаётся после неё.

Глава 2. «Город, где перестали шептать»

Утро наступило, но не принесло привычного шума. Не было ни карканья ворон на крышах, ни скрежета мусорных баков, ни далёкого гула поездов — только странная, вязкая тишина, которая не успокаивала, а давила, будто город накрыли гигантским звуконепропускаемым куполом. Кайто стоял у окна своей комнаты, вглядываясь в улицу, и чувствовал, как по спине ползёт холодок: мир стал чужим.

Он вышел на улицу, сжимая в кармане колокольчик. Металл казался ледяным, будто впитывал пустоту вокруг. На углу, у старой булочной, стояла женщина, приоткрыв рот, словно пыталась что-то сказать. Её губы двигались, но Кайто не слышал ни слова. Он подошёл ближе, наклонился, стараясь уловить хоть шёпот, но звук растворялся, не успев покинуть её горло. Женщина посмотрела на него с отчаянием, в её глазах читался вопрос: «Ты меня слышишь?» — но даже этот немой вопрос был страшнее крика.

Дальше, в небольшом кафе, посетители сидели друг напротив друга, склоняясь всё ближе, будто хотели дотянуться до смысла через расстояние. Они открывали рты, шевелили губами, тянулись руками, показывали жесты, но диалог рассыпался, не успев начаться. Официантка застыла с блокнотом, глядя на клиентов, которые пытались объяснить заказ мимикой. В её взгляде была паника — она чувствовала, что теряет связь с миром.

На перекрёстке царил хаос, лишённый звука. Машины замерли, водители сидели за рулём, вцепившись в руль, и смотрели друг на друга через стёкла. Никто не сигнализировал — потому что гудки не работали. Вернее, они звучали, но тут же исчезали, поглощённые тишиной, словно воздух пожирал вибрации. Один водитель выскочил из машины, открыл рот, чтобы закричать, но из его горла вырвался лишь беззвучный выдох. Он поднял руки, будто хотел схватить звук и вернуть его, но пальцы сомкнулись на пустоте.

Кайто свернул в переулок, где обычно слышался смех мальчишек и стук мячей о стену. Теперь там было пусто и тихо. Он остановился, прислушиваясь к собственному дыханию — оно звучало слишком громко, неестественно, будто нарушало какой-то неписанный закон нового мира. И в этот момент он заметил их.

В глубине переулочка, у стены заброшенного склада, стояли трое в длинных плащах с капюшонами, скрывающими лица. Они не разговаривали — им не нужно было. Их движения были плавными, почти ритуальными. Один из них медленно поднял руку, и на его запястье блеснул металлический браслет с выгравированными спиралями — точно такими же, как на колоколь-

чике. Они стояли неподвижно, будто прислушиваясь к тишине, и в их неподвижности было что-то пугающее: они не искали звук — они его ждали.

Когда Кайто попятился, один из них повернул голову. Лицо оставалось в тени, но мальчик почувствовал на себе взгляд — холодный, внимательный, почти голодный. Человек в плаще чуть наклонил голову, словно прислушиваясь не к словам, а к паузам между ними. Затем он медленно поднял руку и сделал жест — не приказ, не угрозу, а скорее приглашение: «Иди сюда. Услышь тишину».

Кайто развернулся и побежал. Его шаги звучали глухо, будто он бежал по толстому слою ваты. Он мчался по улицам, мимо застывших фигур, мимо людей, которые пытались кричать, но не могли, мимо витрин, в которых отражались лица, искажённые страхом. Он бежал, чувствуя, как колокольчик в кармане бьётся о бедро, каждый раз издавая тихий звон, который тут же исчезал, оставляя после себя ещё больше пустоты.

Добежав до старого парка, Кайто рухнул на скамейку, тяжело дыша. Вокруг не было ни шелеста листьев, ни скрипа качелей, ни даже шума ветра — только тишина, которая теперь казалась живой, будто она наблюдала за ним, ждала, что он сделает дальше. Он достал колокольчик, посмотрел на него, и в голове промелькнула мысль: «Это не просто предмет. Это ловушка».

И тут он заметил записку. Она лежала на скамейке, будто её только что положили. Бумага была старой, пожелтевшей, с неровными краями. На ней аккуратным, почти каллиграфическим почерком было выведено: «Тишина — это не отсутствие звука. Это присутствие пустоты. И она голодна». Под текстом был нарисован символ — те же спирали, что и на браслете, и на колокольчике.

Кайто сжал записку в кулаке, чувствуя, как холод пробирается под кожу. Он понял: культ, который он видел в переулке, не просто наблюдал за тишиной. Они поклонялись ей. И, возможно, именно они знали, как её остановить — или как сделать так, чтобы она поглотила весь город.

Поднявшись, Кайто огляделся. Парк был пуст, но чувство, что за ним следят, не отпускало. Он знал, что не может больше прятаться. Ему нужно было узнать правду о колокольчике, о храме, о жрецах, которые когда-то приносили в жертву свои голоса. И он знал, куда идти.

Обратно к руинам. Туда, где тишина родилась — и где, возможно, её можно было загнать обратно в ловушку.

Глава 3. «Библиотека без букв»

Руины храма остались позади, но ощущение, будто тишина прилипла к одежде, не отпускало. Кайто шёл по опустевшим улицам, где даже пыль, казалось, оседала беззвучно. Он искал не просто ответы — он искал способ вернуть миру голос. И кто-то, будто зная это, подбросил ему подсказку: старую карту, найденную в почтовом ящике, с единственной пометкой — «Библиотека. Там знают цену тишины».

Здание стояло на окраине, прижатое к склону холма, будто хотело спрятаться от города. Когда-то оно было гордостью района — высокое, с витражными окнами и резными колоннами. Теперь стёкла были покрыты слоем серой пыли, а тяжёлые дубовые двери слегка приоткрыты, словно приглашали войти... или предупреждали: «Остановись».

Кайто замер на пороге, прислушиваясь. Но слушать было нечего. Тишина здесь не висела в воздухе — она лежала на полу, стелилась по стенам, собиралась в углах, как густой туман. Он шагнул внутрь, и дверь за его спиной тихо, почти незаметно, закрылась. Не хлопнула, не скрипнула — просто встала на место, будто её подтолкнула сама пустота.

Внутри пахло старой бумагой и чем-то ещё — холодом, который не бывает у камня. Ряды стеллажей тянулись вдаль, теряясь в полумраке. Книги стояли плотно, корешки потемнели от времени, надписи на них выцвели, будто кто-то специально стёр имена авторов. Кайто протя-

нул руку к ближайшей полке, пальцы скользнули по шершавой коже переплёта — и в тот же миг его накрыло воспоминанием так резко, что он пошатнулся.

Он снова стоял в коридоре их старого дома, а над головой трещали балки. Мать кричала его имя, голос рвался, срывался, звенел от ужаса. Потом — грохот. Стена рушилась, куски штукатурки летели вниз, и этот звук — тяжёлый, влажный, оглушающий — врезался в память навсегда. Кайто зажмурился, прижал ладони к вискам, пытаясь отогнать видение, но оно держалось, как приклеенное. И только когда он отдернул руку от книги, мир снова стал серым и тихим, а воспоминание отступило, оставив после себя звенящую пустоту.

Тогда он понял: книги не хранили слов. Они хранили звуки. Самые громкие, самые страшные, самые важные — и вытягивали их из памяти того, кто касался страниц.

Дрожащими пальцами Кайто открыл одну из книг. Страницы были белыми, безупречно чистыми — и в то же время пустыми не так, как бывает, когда бумага пуста. Это была активная пустота, зияющая, будто каждая страница была ловушкой, ждущей, чтобы поглотить ещё одно воспоминание. Он провёл пальцем по краю листа — и снова вспыхнуло: вой сирены, резкий, пронзительный, разрывающий барабанные перепонки. Он отдернул руку, но эхо сирены ещё несколько секунд звенело в ушах, хотя в реальности не было ни звука.

Библиотека начала дышать. Не воздухом — тишиной. Она двигалась между стеллажами, перетекала с полки на полку, собираясь в тёмные сгустки там, где стояли самые старые тома. Кайто попятился, но тут же замер: дверь, через которую он вошёл, теперь выглядела иначе. Её контуры расплывались, будто растворялись в стене, а ручка, когда он потянулся к ней, оказалась не твёрдой, а вязкой, словно сделанной из застывшего воздуха. Тишина запечатывала выход.

Он рванул к другому проёму, к боковому коридору, надеясь найти запасной выход. Стеллажи здесь стояли плотнее, проходы сужались, и с каждым шагом тишина становилась тяжелее. На одной из полок он заметил книгу с металлической табличкой вместо обложки. На табличке были выгравированы те же спирали, что и на колокольчике. Не думая, он схватил её — и мир взорвался воспоминаниями.

Это был не один звук, а сразу сотни: смех, плач, крики, аплодисменты, рёв мотора, звон стекла, шёпот, пение, вой ветра — всё, что он когда-либо слышал и считал забытым, нахлынуло разом, как штормовая волна. Он упал на колени, прижимая руки к голове, пытаясь удержать себя в настоящем, но прошлое тянуло его вниз, в глубину, где не было слов, только звуки, которые разрывали сознание.

И тогда он услышал её. Не голос, не шёпот — паузу. Тот самый момент между звуками, который раньше он никогда не замечал. В этом молчании было что-то живое, внимательное, будто сама тишина прислушивалась к нему. И в этой паузе он вдруг понял: чтобы выбраться, нельзя бороться с тишиной. Нужно научиться слышать то, что остаётся после неё.

Кайто закрыл глаза, перестал сопротивляться потоку воспоминаний и позволил им пройти сквозь себя, не цепляясь за них. Звуки стали тише, как будто отдалились, превратились в далёкое эхо. Когда он снова открыл глаза, библиотека выглядела иначе: стеллажи казались менее плотными, а дверь в боковой коридор — чёткой, настоящей. Он поднялся, стараясь не касаться книг, и пошёл к выходу, ступая так тихо, будто боялся разбудить тишину.

У самой двери он остановился и оглянулся. В полумраке между полками мелькнула тень — не человеческая, а будто сотканная из сгустившегося воздуха. Что-то наблюдало за ним. Или ждало, что он вернётся.

Дверь поддалась с тихим вздохом — не скрипом, а именно вздохом, будто не хотела его отпускать. Кайто выскользнул наружу, и холодный воздух улицы ударил его, как пощёчина. Он глубоко вдохнул, чувствуя, как возвращается ощущение реальности. В кармане снова лежал колокольчик, и теперь он казался не просто металлом, а чем-то живым, пульсирующим в такт тишине.

Он посмотрел на библиотеку. Окна темнели, как пустые глазницы, а фасад будто наклонился вперёд, словно хотел что-то прошептать. Но Кайто знал: там не было шёпота. Только тишина, которая научилась ждать.

Теперь он понимал: книги в этой библиотеке не просто хранили звуки. Они хранили память о том, как мир умел говорить. И чтобы вернуть голос городу, ему нужно было не просто остановить тишину — ему нужно было вспомнить, как звучит надежда. А для этого предстояло вернуться туда, где тишина родилась, — в руины храма. И на этот раз он должен был быть готов услышать не слова жрецов, а тишину, которая стояла за их молчанием.

Глава 4. «Лес, где не слышно страха»

За городской чертой асфальт сменялся утоптанной тропой, а та — рыхлой землёй, покрытой ковром из опавших иголок и сухих листьев. Но, ступив под сень леса, Кайто сразу понял: это не тот лес, который он помнил с детства. Раньше здесь всегда что-то жило: ветер шуршал в кронах, белки прыгали с ветки на ветку, птицы перекликались, и даже тишина между звуками была живой, наполненной ожиданием. Теперь же тишина была мёртвой. Она не ждала — она уже всё забрала.

Он сделал шаг, и нога провалилась в мягкую подстилку, но даже этот звук исчез, будто земля проглотила его. Кайто остановился, прислушиваясь к себе. Его собственное дыхание звучало странно — не как привычный ритм, а как одинокий стук в запертой комнате. Он протянул руку и коснулся ствола сосны. Кора была шершавой, холодной, но когда он провёл по ней пальцами, не было даже лёгкого шороха. Тишина оседала на кожу, как тонкая ледяная пыль, и с каждым вдохом проникала глубже, добираясь до самых потаённых уголков сознания.

Деревья стояли неподвижно, будто застыли в ожидании приговора. Их ветви не шевелились, даже когда Кайто прошёл мимо, задевая их плечом. Они не скрипели, не стонали — они просто смотрели. И в этой неподвижности было что-то пугающее: казалось, что лес не просто молчит, а прислушивается к его мыслям.

Кайто двинулся дальше, стараясь ступать как можно тише, хотя теперь это не имело значения: тишина поглощала любые звуки, даже его страх. Тропа вилась между деревьями, петляла, будто нарочно запутывала следы. И тут он впервые увидел тень, которая двигалась не так, как должна была. Она скользила по земле, изгибаясь, словно змея, но не отбрасывалась ни одним из деревьев. Кайто замер, всматриваясь в полумрак. Тень остановилась, будто почувствовала его взгляд, и на мгновение ему показалось, что она подняла голову — хотя у неё не было ни глаз, ни лица.

А потом он услышал шёпот. Беззвучный. Он не доносился из воздуха — он рождался прямо внутри головы, как мысль, которую кто-то чужой пытался вложить ему в сознание. Слова были бессвязными, но смысл пробирал до костей: «Ты боишься. Ты всегда боялся. Помнишь, как темнота накрывала тебя в детстве? Помнишь, как ты прятался под одеялом, потому что думал, что из угла кто-то смотрит?»

Кайто тряхнул головой, пытаясь сбросить наваждение, но шёпот не исчез. Он стал громче, точнее, будто подбирался к самым уязвимым местам его памяти. Перед глазами вспыхнули картины: тёмная комната, щель под дверью, из которой сочится тусклый свет; дрожащие пальцы, сжимающие край одеяла; и чувство, что за спиной кто-то стоит, дышит, ждёт, когда он повернётся. Он зажмурился, прижал ладони к вискам, но видения не уходили — они становились ярче, реальнее, чем сам лес.

Когда он снова открыл глаза, лес изменился. Деревья склонились к нему, их ветви тянулись, как руки, готовые схватить. Тени стали плотнее, они отделялись от стволов и ползли по земле, шепчущие, безмолвные, настойчивые. Одна из них скользнула по его ботинку, и Кайто почувствовал холод, который не был холодом воздуха — это был холод забытых страхов, тех, что прячутся в глубине и редко выходят наружу.

Он попятился, но земля под ногами стала вязкой, будто пыталась удержать его. Каждый шаг давался с трудом, словно он шёл по густой смоле, которая цеплялась за подошвы. Вдали, между деревьями, мелькнул просвет — поляна. Кайто рванулся туда, не разбирая дороги, не глядя под ноги. Ветви хлестали по лицу, но он не чувствовал боли — только холод тишины, который проникал под кожу и заставлял видеть то, чего не было.

На поляне он остановился, тяжело дыша. Здесь тишина была другой — не давящей, а пустой, как вакуум. В центре поляны лежал большой плоский камень, покрытый теми же спиралями, что и колокольчик. Кайто подошёл ближе, чувствуя, как внутренний хаос постепенно стихает, уступая место странной, ледяной ясности. Он коснулся камня, и в тот же миг шёпот в голове оборвался. Не затих, не стих — а исчез, как будто его выключили.

И тогда он понял: лес не просто отражал его страхи. Он вытягивал их, делал видимыми, чтобы тишина могла их поглотить. Каждый кошмар, который он когда-либо испытывал, теперь жил здесь, в этих тенях, в этих склонившихся деревьях, в этом беззвучном шёпоте. И тишина питалась ими.

Сзади раздался тихий хруст. Не громкий, не резкий — но в этой абсолютной тишине даже такой звук был как удар молота. Кайто обернулся. На краю поляны стояла фигура в длинном плаще. Лицо скрывал капюшон, но Кайто не нужно было видеть его, чтобы понять: это был один из культистов. Человек не двигался, не говорил — он просто стоял и слушал тишину. А тишина слушала его.

Культист медленно поднял руку и сделал жест — не угрожающий, а приглашающий. «Ты видишь, — казалось, говорил этот жест. — Ты понимаешь, как прекрасна эта пустота. Присоединись к нам. Оставь страх здесь. Пусть тишина заберёт его».

Кайто отступил, сжимая в кармане колокольчик. Металл был холодным, но в нём чувствовалась какая-то упрямая искра, будто он сопротивлялся тишине. Он посмотрел на камень, на спирали, на тени, которые снова начали сгущаться по краям поляны. И понял: если он останется здесь хоть на минуту дольше, тишина заберёт не только его страх — она заберёт и его память, и его голос, и всё, что делало его собой.

Он развернулся и побежал. На этот раз лес не пытался его удержать. Тени расступались, деревья выпрямлялись, будто отпускали его. Но шёпот не исчез полностью — он остался где-то на границе сознания, тихий, настойчивый, обещающий вернуться.

Вырвавшись из леса, Кайто рухнул на землю у опушки, жадно глотая воздух. Город вдали казался маленьким и хрупким, как стеклянный шар, который вот-вот разобьётся. Но в нём ещё жили люди, ещё были чувства, ещё была надежда. И Кайто знал: чтобы спасти их, ему нужно было вернуться в руины храма. Там, среди древних стен, он должен был найти ответ на вопрос, который теперь звучал в его голове громче любого крика: как заставить тишину замолчать навсегда?

Глава 5. «Жертва голоса»

Руины храма нависали над долиной, словно застывший крик, который так и не прозвучал. Кайто поднимался по склону, и с каждым шагом воздух становился плотнее, будто сам мир сопротивлялся его возвращению. Он уже не просто искал ответы — он шёл навстречу древней боли, которая жила в этих камнях.

Тропа, по которой он шёл, была выложена плитами с выбитыми на них спиралями — теми самыми, что украшали колокольчик и браслеты культистов. Каждый узор будто пульсировал в такт тишине, напоминая: здесь звук не живёт, он умирает. Кайто остановился у входа — широкой арки, наполовину заваленной обломками колонн. В проёме клубилась тень, густая, почти осязаемая, и казалось, что она не просто скрывает внутренность храма, а охраняет её.

Он шагнул внутрь, и мир за его спиной будто отрезало невидимой стеной. Даже ветер, который ещё трепал полы его куртки снаружи, здесь не имел власти. Внутри царила тишина, но не пустая — она была тяжёлой, насыщенной памятью тысяч безмолвных мгновений.

В первом зале сохранились фрески. Они потемнели от времени, краски выцвели, но образы оставались чёткими, будто хотели, чтобы их разглядели даже в полумраке. На одной из стен была изображена процессия жрецов в длинных одеяниях, с опущенными головами. В центре стоял высокий алтарь, а над ним висел тот самый колокольчик — только на фреске он казался больше, почти живым, с дрожащими от напряжения спиралями. Жрецы подходили к алтарю по одному, и на каждом следующем фрагменте росписи лицо жреца становилось всё более застывшим, глаза — пустыми, а рот — сомкнутым, будто слова уже покинули его навсегда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.